

А. Лаврин

Блок Александр Александрович (1880–1921) – русский поэт.

Весной 1921 года Блок тяжело заболел, это было связано и с голодными годами гражданской войны, и с огромным истощением нервной системы, возможно, и с творческим кризисом, наступившим после поэмы «Двенадцать».

С.М. Алянский, единственный, кто, кроме родных, навещал умирающего поэта, пишет: «Александр Александрович перемогался всю вторую половину мая и почти весь июнь. Потом он слег и пытался работать, сидя в постели. Болезнь затягивалась, и самочувствие неизменно ухудшалось. Однако Любовь Дмитриевна и все, кто заходил в эти дни на Офицерскую узнать о здоровье Блока, надеялись на выздоровление, никто не думал о грозном исходе болезни.

Один Александр Александрович, должно быть, предчувствовал свой скорый уход. Он тщательно готовился к нему и беспокоился, что не успеет сделать всего, что наметил, и поэтому торопился».

Далее мемуарист рассказывает эпизод, происшедший во время болезни Блока:

«...Спустя несколько дней Любовь Дмитриевна, открывая мне дверь, поспешно повернулась спиной. Я успел заметить заплаканные глаза. Она просила меня подождать, и, как всегда, я прошел в маленькую комнату, бывшую раньше кабинетом Блока. Скоро Любовь Дмитриевна вернулась и сказала, что сегодня Саша очень нервничает, что она просит меня, если не спешу, посидеть: быть может, понадобится моя помощь — сходить в аптеку.

Но не прошло и десяти минут, вдруг слышу страшный крик Александра Александровича. Я выскочил в переднюю, откуда дверь вела в комнату больного. В этот момент дверь раскрылась, и Любовь Дмитриевна выбежала из комнаты с заплаканными глазами...

Немного погодя я услышал, как Любовь Дмитриевна вернулась к больному. Пробыв там несколько минут, она пришла ко мне и рассказала, что произошло. Она предложила Александру Александровичу принять какое-то лекарство, и тот отказался, она пыталась уговорить его. Тогда он с необыкновенной яростью схватил горсть склянок с лекарствами, которые стояли на столике у кровати, и швырнул их с силой о печку».

В другой раз Блок на глазах гостя отбирал и уничтожал некоторые свои записные книжки. «Если б я мог предположить, что Блок уничтожает дневники и записные книжки в припадке раздражения, тогда факт уничтожения меня не удивил бы. Но это происходило на моих глазах, внешне Блок оставался совершенно спокоен и даже весел. И этот “безумный” акт в спокойном состоянии особенно потряс меня», – пишет мемуарист.

А вот описание последнего свидания с поэтом:

«Он пригласил меня сесть, спросил как всегда, что у меня, как жена, что нового. Я начал что-то рассказывать и скоро заметил, что глаза Блока обращены к потолку, что он меня не слушает. Я прервал рассказ и спросил, как он себя чувствует и не нужно ли ему чего-нибудь.

— Нет, благодарю вас, более у меня сейчас нет, вот только, знаете, слышать совсем перестал, будто громадная стена выросла. Я ничего уже не слышу, – повторил он, замолчал и, будто устав от сказанного, закрыл глаза.

Я понимал, что это не физическая глухота...

Мне показалось, что я долго сижу.

Александр Александрович тяжело дышит, лежит с закрытыми глазами, должно быть, задремал. Наконец решаюсь, встаю, чтобы потихоньку выйти. Вдруг он услышал шорох, открыл глаза, как-то беспомощно улыбнулся и тихо сказал:

— Простите меня, милый Самуил Миронович, я очень устал.

Это были последние слова, которые я от него услышал.

Больше я живого Блока не видел».

Другой современник поэта, Георгий Иванов пишет, что врачи, лечившие Блока, «так и не могли определить, чем он, собственно, был болен. Сначала они старались подкрепить его быстро падавшие без явной причины силы, потом, когда он стал, неизвестно от чего, невыносимо страдать, ему стали впрыскивать морфий... Но все-таки от чего он умер? «Поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем». Эти слова, сказанные Блоком на пушкинском вечере, незадолго до смерти, быть может, единственно правильный диагноз его болезни. За несколько дней до смерти Блока в Петербурге распространился слух: Блок сошел с ума. Этот слух определенно шел из большевизанствовавших литературных кругов. Впоследствии в советских журналах говорилось в разных вариантах о предсмертном “помешательстве” Блока. Но никто не упомянул одну многозначительную подробность: умирающего Блока навестил “просвещенный сановник”, кажется, теперь благополучно расстрелянный, начальник Петрогослитиздата Ионов. Блок был уже без сознания. Он непрерывно бредил. Бредил об одном и том же: все ли экземпляры “Двенадцати” уничтожены? Не остался ли где-нибудь хоть один? — “Люба, хорошенько поищи, и сожги, все сожги”. Любовь Дмитриевна, жена Блока, терпеливо повторяла, что все уничтожены, ни одного не осталось. Блок ненадолго успокаивался, потом опять начинал: заставлял жену клясться, что она его не обманывает, вспомнив об экземпляре, посланном Брюсову, требовал везти себя в Москву. — Я заставляю его отдать, я убью его... И начальник Петрогослитиздата Ионов слушал этот бред умирающего».

7 августа Блок умер.

Андрей Белый в письме В. Ходасевичу от 9 августа 1921 рассказывал: «Дорогой Владислав Фелицианович, приехал лишь 8 августа из Царского Села: застал Ваше письмо. Отвечаю: Блока не стало. Он скончался 7 августа в 11 часов утра после сильных мучений: ему особенно плохо стало с понедельника. Умер он в полном сознании. Сегодня и завтра панихиды. Вынос тела в среду 11-го в 10 часов утра. Похороны на Смоленском кладбище.

Да!..

Эта смерть для меня — роковой бой часов: чувствую, что часть меня самого ушла вместе с ним. Ведь вот: не видались, почти не говорили, а просто “бытие” Блока на физическом плане было для меня как орган зрения или слуха; это чувствую теперь. Можно и слепым прожить. Слепые или умирают или просветляются внутренно: вот и стукнуло мне его смертью: пробудись или умри: начнись или кончись. И встает: “быть или не быть”.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть, иль любить...

Дельвиг

И душа просит: любви или гибели; настоящей человеческой, гуманной жизни, иль смерти. Орангутангом душа жить не может. И смерть Блока для меня это зов “погибнуть иль любить”».

Спустя годы, размышляя о гибели (именно так: гибели!) Блока Владислав Ходасевич писал: «В пушкинской своей речи, ровно за полгода до смерти, он говорил: “Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему больше нечем: жизнь потеряла смысл”.

Вероятно тот, кто первый сказал, что Блок задохнулся, взял это именно отсюда. И он был прав. Не странно ли: Блок умирал несколько месяцев, на глазах у всех, его лечили врачи — и никто не называл и не умел назвать его болезнь. Началось с боли в ноге. Потом говорили о слабости сердца. Перед смертью он сильно страдал. Но от чего же он все-таки умер? Неизвестно. Он умер как-то “вообще”, оттого что был болен весь, оттого что не мог больше жить. Он умер от смерти».

Но это — определение поэта. Спустимся, однако, с горных высот и послушаем, что говорят врачи, которые любят точность и определенность. Реконструировавшие болезнь и смерть Блока по документам и воспоминаниям современников, доктор медицинских наук М.М. Щерба и кандидат медицинских наук Л.А. Батурина утверждают, что поэт «погиб от подострого септического эндокардита (воспаления внутренней оболочки сердца), неизлечимого до применения антибиотиков. Подострый септический эндокардит — это “медленно подкрадывающееся воспаление сердца”. Обычно наблюдается в возрасте 20–40 лет, чаще у мужчин. Начало заболевания всегда малозаметное, нет никаких указаний на болезнь сердца, состояние ухудшается постепенно, преобладают жалобы на слабость, недомогание, утомляемость, похудание, вплоть до истощения. Лихорадка — наиболее постоянный симптом: сначала подъем температуры незначительный, затем до 39° и выше... Наряду с этим — озноб, прогрессирующее малокровие. Поражение сердца выражается в клапанном пороке (за счет эндокардита) и в миокарде (воспалении средней, мышечной оболочки сердца). Одно из характерных проявлений подострого септического эндокардита — множественные эмболии (т. е. закупорка, чаще всего тромбом) малых и больших сосудов мозга, внутренних органов, кожи, конечностей. В результате изменений мозговых сосудов развивается картина менингоэнцефалита (воспаления головного мозга и его оболочки). Непосредственная причина смерти — сердечная недостаточность или эмболии. Длительность заболевания — от трех месяцев до нескольких лет (обычно 1,5–2 года)... Психические перенапряжения и нарушения питания резко, в 3–4 раза, увеличивают частоту возникновения подострого септического эндокардита... Возбудителем инфекции обычно являются микробы, находящиеся в полости рта, верхних дыхательных путях, инфицированных зубах, миндалинах...»

Фу, какая проза! Куда возвышеннее: «Он умер от того, что не мог больше жить».